

ВОМСК был эвакуирован из Москвы театр имени Е. Вахтангова. По воскресеньям, когда на стадионе устраивали спортивные праздники, там нередко можно было увидеть артистов Симонова с сыном Евгением, Державина с сыном Михаилом, Охлопкова. Эти имена благодаря театральным афишам знал весь город. Но в Омске военных лет вывешивались и футбольные афиши. На них крупными буквами обязательно перечисляли лучших омских игроков.

Осенью 1942 года болельщики впервые увидели на этих афишах имя и фамилию Всеволода Боброва.

Всеволод Бобров ступил на лестницу, ведущую к вершине спортивной славы.

А в это время лейтенант Владимир Бобров, начальник мастерских 201-го артиллерийского пушечного полка, сражался на Калининском фронте, близ родины своих предков. Бобров командовал штатскими. Это были в основном пожилые люди — некоторые воевали еще в гражданскую, — кадровые рабочие военных заводов, мастеровой народ с золотыми руками. Торопить, подгонять их не приходилось: в походных условиях, под открытым небом, в дождь и в снег, не щадя себя, они ремонтировали боевую технику, потому что полк непрерывно участвовал в сражениях и нес потери. Восстанавливать громадные 152-миллиметровые пушки требовалось срочно.

Весь ноябрь 1941-го было очень тяжело. Однако полк ни на шаг не отступил, не сдал своих позиций.

В декабре началось наше контрнаступление. От Калинина путь 201-го артполка пролегал через Ржев и Вязьму. Рабочие мастерских по-прежнему находились в боевых порядках войск, их не только обстреливали и бомбили, но порой атаковали прорвавшиеся в наш фронтовой тыл фашисты. Во время отражения одной из таких атак лейтенант Бобров получил пулевое ранение в ногу.

В годы сестрорецкой юности Владимир Бобров спасал Всеволода от случайных нападений, угрожавших его жизни. Теперь он защищал не только младшего брата, но также сестру, мать, отца, весь Сестрорецк, Ленинград — он защищал Родину. В судьбе братьев Бобровых, как и в судьбах миллионов других семей военной поры, преломилось высокое понятие советского патриотизма. Частные семейные хроники грозных лет благодаря традиционным силам кровных уз всегда отличались особым драматизмом. В гражданскую войну было немало случаев, когда брат шел на брата, и именно этот трагический конфликт стал основой многих произведений художественной литературы о той поре. В Отечественную войну происходило иначе — брат шел за брата. И это особенно рельефно подчеркивало самоотверженность, величие подвига тех, на чью долю выпал фронт. Но в то же время частные семейные хроники драматично, в переплетении конкретных судеб обнажали и суровую правду войны: ради жизни и счастья одних другие, жертвуя собой, шли в бой — об этом вечно должны помнить потомки.

Владимир Бобров принадлежал к тому героическому поколению спортсменов, которое сменило футболки на гимнастерки, аплодисменты зрителей — на грохот канонады, чемпионские награды — на боевые ордена, спортивную славу — на бессмертные подвиги. Многие тысячи советских атлетов ушли на фронт: в первые же дни войны на московском стадионе «Динамо» из спортсменов были сформированы две отдельные мотострелковые бригады особого назначения — знаменитые ОМСБОН. Когда враг приблизился к столице, одна из них выступила в район Ленинградского шоссе и буквально перед самым носом у противника через каждые десять — двадцать метров взрывала дорожное полотно, затрудняя продвижение вражеских колонн. Эта бригада понесла большие потери, и в декабре ее остатки слились с той бригадой, которая предназначалась для засылки разведывательно-диверсионных групп в тыл врага. Такие же подразделения были созданы и на базе Ленинградского института физической культуры имени Лесгафта.

Многие спортсмены, чьи имена знала вся страна, отважно сражались с врагом. Но едва возникала возможность, они — пусть на миг! — возвращались к спорту. Уже в 1942 году в Горьком были проведены небольшие легкоатлетические соревнования — опять с радиорепортажем для тыла и для фронта. В них принял участие отозванный на несколько дней с передовой известный бегун Николай Копылов, танкист, Герой Советского Союза. А в Москве, в Колонном зале Дома союзов, после антифашистского митинга советских спортсменов состоялся показательный матч по боксу между Николаем Королевым и Евгением Огуренковым. Королев выиграл поединок, а через день снова ушел партизанить в тыл врага. Там же, в Колонном зале, выступил с показательными упражнениями на неделю вызванный с фронта известный гимнаст довоенной поры Глеб Бакланов, впоследствии Герой Советского Союза, генерал-полковник.

Не только Владимир Бобров, но и многие другие сестрорецкие спортсмены, сменив хоккейную клюшку на автомат или винтовку, ушли воевать. Некоторые, например Федя Чистяков или Леня Кузьмин, за иссиня-черные волосы прозванный «Огарком», погибли. Другие, оставшиеся в живых, похоронили на фронтах свою спортивную славу.

Где-то далеко от лейтенанта Боброва сражался с врагом голкипер сестрорецкой хоккейной команды полковой врач Алик Белаковский. А где-то совсем рядом, тоже на Калининском фронте, воевал еще один игрок той команды — Дима Цветков, которого с шестилетнего возраста все в Сестрорецке звали Егорычем.

Нелегко складывался фронтовой путь у капитана сестрорецких хоккеистов. Через месяц после первого ранения Владимир Бобров вернулся в полк. Но под Смоленском получил тяжелое подсердечное осколочное ранение.

Его отправили в госпиталь в Ярославль.

В то время как Владимир находился на излечении в госпитале в Ярославле, Всеволод учился в Ярославском военном интендантском училище.

Только находилось оно не в Ярославле, а в Омске — эвакуировали.

Призвали Всеволода поздней осенью 1942 года — рядовым, необученным солдатом. И отвезли в военные лагеря, располагавшиеся километрах в пятнадцати от Омска. Там происходило формирование воинских команд для отправки на фронт. Путь Всеволода лежал в Сталинград.

Но как раз в это время в Омск приехал капитан танковых войск Дмитрий Богинов. Он был ленинградцем. В начале тридцатых годов играл в футбол и в хоккей в детских командах Таврического сада и на соседнем стадионе ткацкой фабрики имени Ф. Халтурина, где начинали Петр, Николай и Иван Дементьевы. Потом стал выступать за спортклубы — сначала «Электрик», а затем «Прогресс». В «Электрике» Богинов играл в одной футбольной команде с Владимиром Бобровым, а в хоккейной вдобавок и с Михаилом Андреевичем, который продолжал «баловаться» клюшкой. В «Прогрессе» к ним присоединился подросток Всеволод.

В 1939 году Дмитрия Богинова призвали в армию, и он расстался с ленинградским спортом. Всеволод Бобров сохранился в его памяти подающим надежды парнишкой, маленького роста, узкоплечим, физически слабым, хотя и вертким, с изумительным дриблингом.

Летом 1942 года Богинов был ранен под Харьковом и вывезен в один из архангельских госпиталей. Вылечившись, он прибыл за назначением в Москву. Капитана направили в Омск за сибирским пополнением: ему предстояло доставить в Сталинград два солдатских эшелона. Богинов вышел из поезда на незнакомом омском перроне и только принялся разыскивать военную комендатуру, как нос к носу столкнулся с Михаилом Андреевичем Бобровым и Иваном Христофоровичем Первухиным.

Эта встреча была архислучайной.

БРАТЯ А. Салуцкий БОБРОВЫ

ПО ПУТИ из Москвы Богинов остановился в Челябинске, где провел несколько дней на тракторном заводе, выпускавшем танки, и в результате не по своей вине прибыл в Омск с опозданием. С другой стороны, Бобров и Первухин зашли на омский вокзал мимоходом. Большой, грузноватый Первухин слегка замешкался, что случилось с ним очень редко, и они не успели на очередную трамвай, отправляющийся с конечного вокзального круга в сторону СИБАКА. А следующего трамвая предстояло ждать минимум минут пятнадцать.

Да, не замешкайся в тот раз Иван Христофорович Первухин... Тоже тверской, этот человек до войны был широко известен среди ленинградских спортсменов. Простой рабочий, он стал, по сути дела, организатором спортклубов — сначала «Электрика», а потом «Прогресса»: всюду, куда он перекомандовывал, немедленно возникали футбольно-хоккейные команды. Кроме того, Иван Христофорович славился своим замечательным сапожным искусством, именно он в омский период эвакуации сшил великолепные бутсы для команды «Прогресс», в том числе и для Всеволода Боброва.

О скромнейшем и честнейшем Иване Христофоровиче Первухине можно было бы рассказать много. Но о том, что он был за человек, лучше всего свидетельствует одно из его писем, пришедших в Москву к Всеволоду Боброву осенью 1948 года. Первухин писал:

«Привет из Ленинграда, Сева! Во-первых, спешу тебе послать свой сердечный привет. Во-вторых, поздравляю лично тебя, я рад за твой успех в первенстве СССР и Кубке СССР. Что оба звания и оба трофея у вас, Сева, я очень приветствую. И поздравляю всю вашу команду. Сева, шлю привет Михаилу Андреевичу, Вове с его семьей и Тосе. Сева, я о себе никогда ничего тебе не писал и никогда в жизни не горевал. Но, Сева, нонча я прошу тебя, как своего сына, и не откажи в моей просьбе. Когда будешь выписывать газету «Советский спорт», выпиши и на меня на 1949 год. Здесь это очень трудно... Я очень жду и надеюсь. Первухин Иван Христофорович. Жду «Советский спорт» с 1 января, Сева, обязательно!».

Вот таким был незабвенный Иван Христофорович Первухин, великий и бескорыстный любитель спорта, который замешкался чуть ли не единственный раз в жизни, что и привело к неожиданной встрече с Богиновым.

Впрочем, последняя точка в длинной цепи абсолютно не связанных друг с другом обстоятельств, приведших к этой встрече, была поставлена в «небесной канцелярии»: погода с утра стояла отличная, но во второй половине дня, когда Бобров и Первухин, уладив городские дела, собрались ехать в городок СИБАКА, небо стало быстро затягивать. Дождь застал приятелей как раз на трамвайной остановке. Чтобы не мокнуть, они решили зайти под своды вокзала. И там, к величайшему своему изумлению, сразу столкнулись с ленинградцем Димой Богиновым.

Забыв о трамвае, Бобров и Первухин ударились в сумбурные расспросы, обязательные при таких внезапных встречах военной поры. А потом, в числе прочих известий, сообщили Богинову, что от Володи Боброва с июля сорок первого года вестей нет никаких — возможно, погиб, — что Всеволод находится в лагерьях и ожидает отправки на фронт.

На следующий день, прибыв в лагерь, Дмитрий Богинов получил списки солдат, прошедших курс молодого бойца и готовых к переброске в Сталинград. Пишущих машинок в то время в воинских частях не было, все документы от руки, каллиграфическим почерком исполняли штабные писари. Богинов просматривал списки новобранцев и неожиданно в глаза ему бросилось: «Бобров Всеволод Михайлович, 1922 г. р.». Фамилия «Бобров» — весьма распространенная, и не будь той случайной встречи на омском вокзале, Богинов наверняка не обратил бы на нее внимания. Но теперь он твердо знал, чья судьба находится у него в руках.

Богинову было известно, что по решению государственных и партийных органов некоторых ведущих футболистов страны — как и некоторых артистов, ученых — не отправляли на фронт, используя их для работы в тылу. Это решение было мудрым и дальновидным, оно свидетельствовало о глубокой вере в грядущую победу и закладывало основы послевоенного развития искусства, физической культуры и спорта. Безусловно, в тот момент Богинов не предполагал, что из маленького Севки Боброва, какого он знал, вырастет выдающийся футбольный форвард. Но он вспомнил прекрасную, зрелую игру Владимира Боброва, которого, возможно, уже нет в живых, перед его глазами возникло постаревшее, сникшее лицо Михаила Андреевича Боброва, который проводил в армию второго сына... И данной ему, капитану Богинову, властью решил не брать в свою часть красноармейца Всеволода Боброва.

Богинов ткнул пальцем в фамилию «Бобров» и приказал писарю:

— Такие маломерки мне не нужны. Вычеркни и перепиши лист.

В тот раз, в Омске, Дмитрий Богинов так и не увидел Всеволода Боброва вочью. И летом 1945 года, когда впервые после войны пришел «поболеть» на московский стадион «Динамо», не узнал в высоком, атлетически сложенном форварде ЦДКА своего бывшего товарища по ленинградским футбольно-хоккейным командам. На трибунах только и говорили о Боброве, однако в сознании Богинова этот великолепный нападающий никак не ассоциировался с маленьким Севкой довоенных времен. Лишь позже кто-то из ленинградских футболистов сказал, что это и есть тот самый Севка. И встретившись с Бобровым после одного из матчей, Богинов с изумлением понял, какого «маломерка» он вычеркнул из списков 1942 года.

Любопытно, что Егорыч, Дмитрий Цветков, в первый раз наблюдая за игрой Всеволода Боброва с трибун стадиона «Динамо», тоже абсолютно не признал его, даже в голову не пришло сопоставить могучего, рослого армейского форварда с бывшей «козявкой». Цветкову «открыл глаза» Анатолий Виктор, тоже сестрорецкий спортсмен, который впоследствии играл в хоккейной команде ВВС вместе с Бобровым.

Все это происходило позже, после Победы. Однако путь в большой спорт для Всеволода Боброва начался именно осенью 1942 года, когда красноармеец Бобров остался в лагерьях. Как раз в это время начальник Ярославского военного интендантского училища, дислоцированного в Омске, генерал Белов решил создать сильную футбольную команду. В нее вместе с лучшими игроками спортклуба «Прогресс» Зубаревым и Цицихом был включен также Всеволод Бобров.

Той же осенью он стал курсантом училища.

Команда, за которую он играл, сразу стала сильнейшей в Омске. Ее стали посылать для товарищеских игр в другие крупные города Сибири.

Так начала восходить спортивная звезда Всеволода Боброва.

«Это письмо приведено дословно, расставлены лишь знаки препинания, которые в нем отсутствовали полностью, за исключением первого и последнего восклицательных знаков».

(Продолжение. Начало см. в номерах от 21, 22, 24, 26 и 27 августа с. г.).

28авг

В ЯРОСЛАВСКОМ госпитале Владимир Бобров пролежал полгода, выписали его по инвалидной статье. Однако поехать ему было некуда: он не знал, где родные, да и живы ли они вообще. И Владимир Бобров решил поехать... на фронт. Он категорически отказался от демобилизации по инвалидности и потребовал снова направить его в действующую армию. Рапорт удовлетворили, однако сперва послали Боброва на долечивание в инвалидный дом отдыха близ Ярославля. В это время Владимиру удалось списаться с двоюродной сестрой Валентиной Бушуевой. А уж от нее в середине 1943 года он узнал адрес родных.

Письма от Михаила Андреевича начали приходиться часто. В одном из них отец с душевной болью и тревогой писал о племяннике Борисе — сыне родной сестры Михаила Андреевича. Боря с самого раннего детства рос вместе с Володей и Севой, даже имя ему дали в семье Бобровых. Но в период эвакуации обстоятельства сложились неблагоприятно, Борю не удалось вывезти из Ленинграда. Его родители умерли, и одиннадцатилетний ребенок пережил все ужасы блокады, уцелел лишь благодаря исключительной воле к жизни, а также непомерному для его возраста мужеству. Когда ребенка по Дороге жизни вывезли из Ленинграда, он заболел дистрофией в очень тяжелой форме.

Хотя Михаил Андреевич Бобров опасался, что племянник погиб, он все же не переставал наводить справки и выяснил, что Боря остался в живых, находится в детдоме где-то в Ярославской области. Об этом он и сообщил старшему сыну.

Еще не окрепший окончательно, Владимир Бобров прервал долечивание и отправился на поиски — ему судьбой было предписано все время всех спасать. Он разыскал Борю в г. Пошехонье-Володарск, выписал его из детдома и отправил на поезде в Омск.

Вскоре Михаил Андреевич официально усыновил Бориса, и он стал братом Володи и Севы.

А Владимир Бобров тем временем уже был на фронте. Он служил в отделении артиллерийского вооружения 90-й дивизии, входившей в состав 3-го Белорусского фронта, вместе с передвижными артмастерскими снова находился в передовых порядках наступающих войск. К концу 1944 года у капитана Боброва вся грудь была в боевых наградах: ордена Отечественной войны I и II степени, два ордена Красной Звезды, медаль «За отвагу», две медали «За боевые заслуги».

Под самый Новый год Владимира Боброва на три дня командировали в столицу — получать новое вооружение для дивизии. Это была счастливая командировка: новый, 1945 год, год Победы, семья Бобровых встречала вместе — в Москве.

Первым в Москву перебрался Михаил Андреевич — его перевели в столицу по приказу начальника главка существовавшего в ту пору Наркомата вооружения, который возглавлял нарком Д. Ф. Устинов. Бобров поселился в небольшой двухкомнатной квартирке неподалеку от железнодорожной платформы Лосиноостровская, на втором этаже пятиэтажного дома. Туда вскоре приехали Тося с дочерью Аллой и Боря. А Всеволод как раз в это время стал играть в хоккейной команде ЦДКА.

Внезапное появление Володи было огромной радостью, и вся семья собралась за праздничным столом. Не было только мамы. Мама умерла зимой с сорок второго на сорок третий.

...Для Всеволода это было страшным потрясением. В то время курсанты находились в лагерях, связь с ними была ненадежной — только с оказией, и трагическое известие пришло к Боброву с запозданием. Быстро оформив увольнительную, он в кузове попутной машины добрался до города, затем из конца в конец пересек его на трамвае. Но от конечной остановки до поселка СИБАК оставалось еще два километра. Было темно и холодно. Подобрал длинные полы шинели, Всеволод побежал. Он очень спешил и все-таки опоздал: появился в доме в тот момент, когда все уже вернулись с кладбища.

Но за поминальный стол он не сел, а тут же отправился к могиле. Холодным декабрьским вечером в одиночестве долго стоял у свежего холмика земли, прощаясь с самым дорогим для него человеком. Именно мама всегда была главной в семье Бобровых. Она воспитывала детей и сильно влияла на них своей мягкой, доброй натурой. Она была великой труженицей — на ее руках держался дом, она сама шила для всех одежду. Наконец, мама не только любила спорт, но, как ни странно, именно она была в семье главным «спортивным идеологом» и поощряла спортивные занятия детей. В детстве покупала сыновьям пирожные за каждый забитый гол, а впоследствии непременно присутствовала на матчах с их участием. Став знаменитым футболистом, Всеволод Бобров всегда трогательно вспоминал маму и сокрушался, что ей не довелось увидеть его спортивные успехи, о которых она мечтала.

Встретив новый, 1945 год, Бобровы прежде всего помянули маму. А потом каждый стал рассказывать о себе. С особым вниманием слушали, конечно, Володю — фронтовика, боевого офицера, украшенного орденами и медалями. Физическая закалка, полученная в детстве, дала себя знать: крепкий молодой организм переборол последствия ранений. В свои двадцать четыре года Владимир Бобров ощущал прилив сил и энергии. Он уже начинал задумываться о послевоенной жизни и расспрашивал Всеволода о большом спорте, справедливо рассчитывая, что будет играть в одной из команд мастеров — скорее всего тоже в ЦДКА.

Безусловно, Всеволод по сравнению с предвоенными временами, внешне переменялся неузнаваемо, возмужал и, видимо, сильно прибавил в игре. Но уж кто-кто, а Володя лучше всех знал его истинные спортивные возможности. Он очень высоко ценил способности Всеволода, однако между братьями были свои счеты. Омские болельщики восхищались тем, что Всеволод забивал за игру по три-четыре гола. А Владимир буднично называл эти голы рядовыми. Он так и говорил: «Севка без нескольких рядовых голов не должен уйти с поля». И в понятие «рядовые голы» вкладывал будничный, буквальный смысл, имея в виду целый ряд голов. Потому что забивать в матче лишь по одному мячу считалось между братьями признаком плохой, слабой игры. Старший брат тоже не уходил с поля без нескольких забитых мячей.

И хотя за годы войны Владимир Бобров ни разу не касался ни кожаного, ни плетеного мяча, он, повзрослевший, прошедший огромную жизненную школу, уверенный в себе и знавший цену собственным спортивным способностям, не сомневался, что сможет играть в футбол и в хоккей не хуже Всеволода. Что же касается возраста, то Владимир был в самом расцвете.

Поэтому братья Бобровы, вместе встречая победный год, подняли бокалы и за будущие совместные успехи в спорте. Оба верили в удачу и надеялись, что вскоре снова, как в предвоенные годы, будут играть в одной команде.

(Продолжение. Начало см. в номерах от 21, 22, 24, 26, 27 и 28 августа с. г.).

29авг

Оживившись в составе хоккейной команды ЦДКА в начале зимы 1944 года, Всеволод Бобров поразил даже видавших виды армейцев. Тренировалась команда в парке у площади Коммуны, где каток заливали на месте теннисных кортов, — теперь примерно на этом месте построен Музей Вооруженных Сил СССР. И когда Бобров в первой же двусторонней игре подхватил мяч, когда он без разбега, словно пущенный из катапульты, сразу набрал полную скорость и стал одного за другим обводить соперников, все буквально ахнули. Всеволод с легкостью перекидывал клюшки из руки в руку, прикрывал мяч корпусом, и защитники не могли справиться с ним.

Играющий тренер ЦДКА Павел Коротков, на собственной «шикуре» испытывавший неудержимость бобровского дриблинга, был изумлен, и уже самая первая тренировочная игра бесповоротно решила вопрос о том, что новичок Бобров должен выступать за основной состав.

В то время большинство игроков совмещали футбол с хоккеем. И когда в марте 1945 года завершился очередной хоккейный сезон, команде ЦДКА предстояло выехать на футбольный сбор в Сухуми. Так Всеволод Бобров оказался среди армейских футболистов.

Тренер Борис Андреевич Аркадьев впервые увидел Всеволода Боброва не на футбольном, а на хоккейном поле — во время вышеописанной двусторонней игры в парке ЦДКА на площади Коммуны. Именно об этом сам Аркадьев сообщает в своих неизданных записках. Написанные от руки крупным круглым почерком на листах в клеточку, вырванных из тетради большого формата, эти беглые заметки позволяют пролить свет на историю футбольного дебюта Всеволода Боброва.

Борис Андреевич Аркадьев пишет:

«Я пришел на первую тренировку хоккейной команды посмотреть на новичка, и то, что я увидел, поразило меня. Прежде всего я увидел, что новичок, попав в общество мастеров, не чувствовал себя экзаменуемым, держался уверенно и спокойно и в раздевалке, и на льду. Я сразу понял: это был настоящий талант и мастер индивидуальной игры. Проходимость Боброва при помощи скоростной обводки сквозь оборону противника была буквально потрясающей... А после разыгранного приза открытия хоккейного сезона все заговорили о появлении хоккейной «звезды» небывалой величины».

Команда ЦДКА прибыла в Сухуми в последней декаде марта 1945 года. Несколько дней ушло на акклиматизацию, на усиленные занятия по физподготовке. Затем начались тренировки с мячом. И, наконец, третьего апреля состоялась первая двусторонняя игра.

Эту игру Всеволод Бобров провел с блеском, забив два мяча.

Борис Андреевич Аркадьев понял, что не ошибся в своих предположениях.

Так третьего апреля 1945 года началось стремительное футбольное восхождение Всеволода Боброва, уже осенью того же года приведшее его на стадионы Англии. Эта скрупулезная точность в датировке событий продиктована отнюдь не стремлением детально увековечить биографию Всеволода Боброва. Именно в этот же самый день, в день дебюта Всеволода Боброва в команде ЦДКА, очень далеко от черноморского Сухуми, на побережье Балтики, произошло еще одно событие, имеющее прямое отношение к теме повествования.

В конце марта 1945 года капитан Владимир Бобров сражался в Померании. Война близилась к концу, однако наступление наших войск не было победным маршем — шли упорные бои, приходилось взламывать оборону гитлеровцев.

Третьего апреля колонна наших грузовиков с зенитными пулеметами и боеприпасами к ним медленно двигалась по одной из проселочных дорог в Померании, близ Балтийского побережья. Капитан Бобров сидел рядом с водителем в пятой или шестой машине, считая от головы колонны. Ничто не предвещало опасности.

Внезапно под правым передним колесом, иначе говоря, почти под Бобровым, рванула мина.

Как получилось? Ведь впереди по этой дороге уже прошло несколько машин. Видимо, водитель взял ближе к обочине...

Взрыв был сильный. Деревянную кабину грузовика разнесло вдребезги, капитана Боброва выбросило за обочину. Очнулся он в медсанбате, где ему должны были ампутировать левую ногу. В наркоз Владимир Бобров провалился с неясным, еще не полностью осознанным, горьким и горячечным ощущением того, что теперь он превращается в инвалида.

Но, придя в себя на госпитальной койке, вдруг почувствовал, что обе ноги — вот они, здесь! Оказывается, в самый последний момент, уже на операционном столе, один из хирургов взялся провести очень сложную операцию, позволившую обойтись без ампутации.

В день Победы Владимир Бобров уже чуть ли не танцевал — ведь свою часть он не покидал, медсанбат располагался рядом. Более того, еще через месяц начал даже играть в футбол. А когда к концу сорок пятого капитана Боброва перевели служить под Москву, он несколько лет подряд участвовал в первенстве Московского военного округа по хоккею с мячом.

Конечно, он частенько бывал в Москве, приходил на матчи команды ЦДКА, на тренировки армейских хоккеистов. Однажды в январе 1946 года на катке в парке Центрального Дома Красной Армии скинул шинель и гимнастерку, надел спортивную форму, Севкины коньки, взял его клюшку и вошел в игру. Евгений Бабич, увидев Владимира Боброва на льду, пришел в восторг и принялся горячо уговаривать его перейти в ЦДКА. Но старший Бобров неопределенно улыбался и отшныкивался.

А Всеволод брата не уговаривал.

Всеволод все знал.

Третьего апреля 1945 года, в день сухумского футбольного дебюта Всеволода Боброва в команде ЦДКА, взрыв мины на проселочной дороге в Померании навсегда закрыл перед его старшим братом Владимиром Бобровым путь в большой спорт. После операции, благодаря которой удалось избежать ампутации, левый голеностоп у Владимира все равно остался как бы неживым. Нога плохо слушалась, были раздроблены кости, перебит главный нерв, пальцы не двигались, и осязания в стопе не было.

До войны у Владимира Боброва было право быть лучшим по спортивному таланту. Но война отняла у него это право.

Пути братьев Бобровых разошлись окончательно.

Однако в их судьбах все-таки было немало общего, оба жили незаурядно, ярко. Да и в делах братьев безусловно проглядывалось своеобразное сходство.

Послевоенная жизнь мчалась все стремительнее. Бывшие фронтовики становились землепашцами. Возрождались плотины, заводы, города. Быстро развивался спорт, и ярко расцветал в нем футбольно-хоккейный талант Всеволода Боброва, заставляя ликовать болельщиков.

Но и Владимир Бобров тоже вызывал ликование людей. По праздникам в московском небе зажигались яркие огни салютов. Мирные, торжественные залпы с самой высокой и почетной салютной точки столицы — с Ленинских гор — много лет подряд зенитчики производили под руководством капитана артиллерии Владимира Боброва.

Последний праздничный салют с Ленинских гор Владимир Бобров провел в 1954 году, когда его младший брат Всеволод Бобров достиг зенита славы: команда СССР, дебютировав в чемпионате мира по хоккею с шайбой, стала чемпионом мира, а ее капитан Всеволод Бобров был признан лучшим хоккейным нападающим планеты.